

МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА И ПОИСКА СМЫСЛА В СТИХАХ. А.
АХМАТОВОЙ

Бахриева Сабина Сабиржановна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Тошпулатова Мохинур

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. В статье представлена как связный аналитический текст, в котором рассматривается поэзия Анны Ахматовой сквозь призму мотива одиночества и экзистенциального поиска смысла, понимаемого не как абстрактная философская категория, а как личный, исторически обусловленный и нравственно напряжённый опыт. В центре внимания находится эволюция лирического сознания поэтессы от раннего интимного одиночества к трагическому одиночеству свидетеля эпохи, а также способы художественного преодоления смысловой пустоты через слово, память и ответственность.

Ключевые слова: Анна Ахматова, одиночество, смысл, экзистенциальная поэтика, лирическое сознание, память, история.

Abstract. The abstract is presented as a coherent analytical text that examines Anna Akhmatova's poetry through the lens of loneliness and the search for meaning, understood not as an abstract philosophical concept but as a personal, historically conditioned, and morally charged experience. The focus lies on the evolution of Akhmatova's lyrical consciousness from early intimate solitude to the tragic solitude of a witness of history, as well as on the artistic strategies of overcoming existential emptiness through language, memory, and responsibility.

Keywords: Anna Akhmatova, loneliness, meaning, existential poetics, lyrical consciousness, memory, history.

Поэзия Анны Ахматовой занимает особое место в русской литературе XX века именно благодаря тому, что в ней личное переживание никогда не существует изолированно от исторического и культурного контекста. Мотив одиночества, столь настойчиво присутствующий в её стихах, не сводится к частному психологическому состоянию лирической героини. Он постепенно разворачивается в сложную систему смыслов, где одиночество становится формой бытия человека в мире, утратившем устойчивые ориентиры, но не утратившем нравственного измерения. Уже в ранних текстах Ахматовой ощущается особая тишина, окружающая лирическое «я»: это тишина после сказанных слов, после расставаний, после мгновений близости, которые не получили продолжения. Однако эта тишина не пуста: она наполнена

вниманием к внутреннему движению души, к тончайшим колебаниям чувства, к тому, что остаётся, когда внешний диалог прерывается. Критик Б. Эйхенбаум подчеркивал, что героиня Ахматовой часто предстает в образе «женщины-монахини», для которой одиночество — это форма достоинства и «гордой нищеты».⁴¹

Раннее ахматовское одиночество тесно связано с темой любви, но не как гармонического союза, а как опыта утраты, несовпадения, невозможности полного взаимопонимания. Лирическая героиня часто оказывается одна не потому, что вокруг никого нет, а потому что связь между людьми оказывается хрупкой и недолговечной. В любовных сценах у Ахматовой ощущается сдержанная драматургия: вместо бурных признаний — короткий жест, вместо объяснения — взгляд, вместо примирения — расхождение дорог. Именно в этих паузах и возникает одиночество как осознание собственной отдельности и неповторимости. В этом смысле одиночество не унижает героиню, а, напротив, придаёт её голосу внутреннюю твёрдость. По мере развития поэтического пути Ахматовой мотив одиночества усложняется и перестаёт быть преимущественно любовным. Исторические катаклизмы первой половины XX века радикально меняют масштаб поэтического высказывания. Лирическое «я» оказывается втянутым в пространство коллективной трагедии, где одиночество приобретает новый, почти онтологический характер. Поэт остаётся один на один с катастрофой истории, не имея возможности ни уйти от неё, ни раствориться в безличном «мы». Ахматова сознательно выбирает позицию свидетельства, и эта позиция предполагает предельную форму одиночества: говорить тогда, когда большинство молчит, и помнить тогда, когда память становится опасной.⁴²

Поиск смысла в ахматовской поэзии не оформляется в виде философских деклараций. Он осуществляется через настойчивое удержание человеческого достоинства в условиях, когда само понятие смысла подвергается сомнению. Смысл не даётся как готовый ответ, он вырабатывается в процессе проживания страдания, утраты, ожидания. В художественных пересказах трагических сюжетов Ахматовой особенно заметно, что смысл не отменяет боли и не оправдывает её, но делает возможным её переживание. Поэтесса словно утверждает, что смысл заключается не в избавлении от страдания, а в способности не утратить человеческий облик внутри него. Одиночество у Ахматовой связано с особым типом лирического субъекта, который не растворяется ни в частной биографии, ни в коллективной судьбе. Так, в литературоведческих работах подчёркивалось, что ахматовское «я» принципиально немногословно и сдержанно, однако за этой сдержанностью скрывается высокая степень обобщения: личный голос постепенно приобретает значение нравственного свидетельства эпохи. Поэтесса сознательно избегает риторического пафоса и прямых деклараций, заменяя их интонацией внутреннего одиночества, которое тем самым

⁴¹ Эйхенбаум Б. М. «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923).

⁴² Жирмунский В. М. Анна Ахматова и русская поэзия. Л.: Советский писатель, 1976.

становится формой доверия к читателю. В этом смысле одиночество интерпретируется критиками как знак внутренней независимости лирического сознания и как условие ответственности: поэт остаётся один, потому что принимает на себя право и обязанность говорить за других. Ахматова вводит тему «некоммуникабельности» любящих сердец. Как писал О. Мандельштам, Ахматова принесла в русскую лирику «всю сложность и психологическое богатство русского романа XIX века».

«Сколько просьб у любимой всегда! / У разлюбленной просьб не бывает».⁴³

Особое место в поэзии Ахматовой занимает мотив памяти как способ преодоления экзистенциальной пустоты. В исследованиях подчёркивалось, что память у Ахматовой не носит ностальгического характера: критики отмечали её принципиальную «некомфортность», направленность не на утешение, а на сохранение правды. В интерпретациях литературоведов память предстает как нравственный долг, добровольно принятый поэтом, и именно этот долг усиливает чувство одиночества, поскольку память отделяет человека от тех, кто предпочёл забыть. Память у неё не является простым воспроизведением прошлого; она выступает активной силой, формирующей смысл настоящего. Одиночество усиливается именно через память: вспоминая, человек остаётся наедине с тем, что уже невозможно изменить. Однако именно память превращает одиночество в осмысленное состояние, поскольку связывает личную судьбу с историей и культурой. Поэтесса последовательно отказывается от забвения как формы спасения, предпочитая тяжёлое, но честное существование в пространстве памяти.

Поиск смысла у Ахматовой тесно связан с языком. В критической традиции неоднократно указывалось, что ахматовское слово принципиально аскетично: исследователи видели в этом не стилистическую особенность, а этическую позицию. Сдержанность и точность речи трактуются как форма сопротивления обесцениванию слова в эпоху идеологического давления. По мнению критиков, именно отказ от избыточной образности позволяет Ахматовой сохранить смысловую плотность высказывания, а одиночество поэта здесь понимается как плата за сохранение внутренней свободы языка. Слово для неё — не просто средство выражения, а форма сопротивления небытия. В условиях, когда речь подвергается искажению, а молчание навязывается извне, сохранение точного, сдержанного, ответственного слова становится нравственным актом. Одиночество поэта в этом контексте приобретает профессиональное измерение: тот, кто хранит слово, неизбежно оказывается изолированным. Однако именно в этом одиночестве рождается смысл как внутренняя оправданность продолжения речи. Ахматовский поиск смысла не направлен к будущей утопии. В отличие от поэтов, связывавших смысл с грядущим преображением мира, Ахматова ищет его в настоящем и прошлом, в том, что уже

⁴³ Мандельштам О. Э. «О собеседнике» (1913).

произошло и не может быть отменено. Это придаёт её поэзии трагическую устойчивость: смысл не обещает счастья, но гарантирует правду. Одиночество в таком понимании становится неизбежным спутником правды, поскольку истина редко совпадает с коллективным утешением.

В поздних стихах Ахматовой одиночество приобретает почти метафизическое звучание. В комментариях исследователей подчёркивается, что поздняя Ахматова осознаёт себя не столько участником событий, сколько хранителем их смыслового остатка. Критики отмечали, что в этих текстах одиночество перестаёт быть реакцией на внешние обстоятельства и превращается в устойчивое состояние сознания, связанное с предельной ясностью взгляда. Такое одиночество интерпретируется как итог жизненного и поэтического пути, в котором поиск смысла завершается не примирением, а внутренней собранностью. Лирическое сознание осознаёт себя на границе времени, между живыми и мёртвыми, между сказанным и несказанным. Поэт остаётся один, потому что его опыт не может быть полностью разделён. Однако это одиночество уже не воспринимается как трагедия в узком смысле слова. Оно становится формой внутренней свободы, достигнутой ценой потерь. Поиск смысла здесь завершается не ответом, а ясностью: пониманием того, что смысл возможен лишь там, где человек готов принять одиночество как условие ответственности. Таким образом, мотив одиночества и поиск смысла в поэзии Анны Ахматовой образуют неразрывное единство. Одиночество выступает не как негативное состояние, а как пространство, в котором рождается и проверяется смысл человеческого существования. Поэзия Ахматовой показывает, что смысл не устраняет трагедию, но делает возможным достоинство внутри неё. Именно в этом заключается её непреходящее значение для читателя и исследователя.

Список использованной литературы:

1. Ахматова А. А. Сочинения : в 2 т. Т. 1–2. М.: Правда, 1990.
2. Жирмунский В. М. Анна Ахматова и русская поэзия. Л.: Советский писатель, 1976.
3. Эйхенбаум Б. М. «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923).
4. Найман А. Г. О поэзии Анны Ахматовой. М.: Современник, 1989.
5. Мандельштам О. Э. «О собеседнике» (1913).